

А. Е. Беляев

Самодержавная власть в политико-правовой культуре России начала XX в.: взгляд Н. А. Захарова

В статье представлены взгляды малоизвестного дореволюционного российского правоведа Николая Алексеевича Захарова (1883 – после 1928), который, рассуждая в духе традиционного русского политическо-го консерватизма, считал, что в Российской империи существует самобытное государственное устройство, не имеющее аналогов в мировой истории. Н. А. Захаров, помимо исполнительной, законодательной и судебной властей, утверждал о существовании в России четвертой власти – самодержавной. Он называл ее властью последнего волевого решения. Глубокие корни самодержавия Н. А. Захаров видит в русской национальной культуре.

Ключевые слова: самодержавие, российское право, политическая культура, правовая культура, Российская империя

Aleksandr E. Belyaev

Autocratic power in political-legal culture of Russia in early 20th century: N. A. Zakharov

The article analyzes views of the little-known pre-revolutionary Russian lawyer Nikolai Alekseevich Zakharov (1883 – after 1928), who, arguing in the spirit of the traditional Russian political conservatism, believed that in the Russian Empire there is a distinctive state structure, which has no analogues in the world history. Contrary to well-known concept of Montesquieu on the necessity of separation of the three branches of government, N. A. Zakharov claimed about the existence in Russia of the fourth power – the Autocratic. Deep roots of Autocracy N. A. Zakharov sees in Russian national culture.

Keywords: autocracy, Russian law, political culture, legal culture, Russian Empire

В связи с «пробуксовкой» установления либеральных реформ в современной России и сменой стратегических векторов развития государства заметно обострился интерес к отечественному консерватизму. Этому также способствовал культурный ренессанс, переживаемый постсоветской Россией¹, когда активно стали печататься работы забытых консерваторов.

Научный поиск культурологических исследований должен обращаться не только к изучению западной мысли в области политико-правовой культуры, но и не забывать о богатом наследии отечественных правоведов. Следует согласиться с ростовским исследователем А. И. Овчинниковым, что в случае длительного контакта с представителями другой культуры человек заражается чужими смысловыми структурами и чем чаще контакт, тем сильнее степень заражения². Поэтому исцеление национального мировоззрения может происходить в результате обращения к носителям подлинно русской культуры. Кроме того, считаем необходимым согласиться с Н. Б. Комовой, которая, указав на дефицит современных научных исследований, посвященных монархической проблематике, также отметила, что ряд работ грешит либеральной ангажированностью³.

Именно сторонники необходимости самодержавия в России выступали идеологами охранительства, которое «выполняет в любой культуре функцию сохранения традиции, обеспечения органичного развития общества без потерь для национальной культуры»⁴.

В своем исследовании политико-правовой культуры России начала XX в. мы исходим из интеграционистского подхода в культурологии⁵. Признавая «многообразие теоретико-методологических вариантов исследования культуры»⁶, мы исходим, что государство есть высший результат культуры.

Одним из незаслуженно забытых представителей консерватизма и носителем ценностей традиционалистской субкультуры является Николай Алексеевич Захаров (1883 – после 1928). Об этом юристе, к сожалению, в настоящий момент почти ничего не известно, за исключением предисловия московского исследователя М. Б. Смолина⁷, написанное к переизданной в 2002 г. редакцией журнала «Москва» работе Н. А. Захарова.

Н. А. Захаров являлся одним из учеников П. Е. Казанского (1866–1947), профессора по международному праву. Окончив юридический факультет Императорского Новороссийского

университета (где, кстати, с 1908 г. Казанский был деканом), Н. А. Захаров в 10-х гг. XX в. преподавал международное право в Практической Восточной академии в Санкт-Петербурге. В 1910 г. Захаров от Академии посещал Персию. Во время Первой мировой войны служил на турецком фронте. В 1928 г. Захаров жил в Краснодаре, преподавал прикладную экономику и экономическую географию в Кубанском сельскохозяйственном и Кубанском педагогическом институтах. Дальнейшие сведения о его судьбе установить не удалось.

Считаем необходимым выказать свое огорчение, что в учебнике, посвященном истории русской охранительной политико-правовой мысли, упомянуто одно только имя Н. А. Захарова, а в списке рекомендованной литературы его основное сочинение даже не приводится⁸.

Н. А. Захаров, как и П. Е. Казанский, был монархистом, и поэтому как ученый он не мог остаться в стороне, когда в России после издания высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. об усовершенствовании государственного порядка разгорелся жаркий дискурс в науке. Отечественные «конституционалисты» – сторонники необходимости так называемого «конституционного» пути развития России – активно пытались внедрить в общественное сознание тезис о том, что император Николай II, подписав манифест 17 октября 1905 г., а также еще ряд указов, способствовавших созданию Государственной думы, издав новую редакцию Основных законов Российской империи от 6 апреля 1906 г. (далее ОЗГ 1906 г.), добровольно «ограничил» свою Верховную власть, и в России была установлена «конституционная монархия». В частности, данный тезис разделял приват-доцент и кадет Н. И. Лазаревский⁹.

Недосягаемой вершиной данного дискурса является труд П. Е. Казанского «Власть всероссийского императора» (1913 г.), в которой автор, проанализировав юридический аспект самодержавной власти, пришел к выводу, что в Российской империи по-прежнему сохраняется самодержавие и поэтому ее «действующий государственный строй есть строй лишь обновленный, но по существу своему остающийся прежним»¹⁰. Л. А. Тихомиров высоко оценил труд Казанского¹¹, но при этом прозорливо отметил, что сторонники «парламентарной школы»¹² сделают все, чтобы данный труд замолчать или исказить.

Предпоследней работой дореволюционного научного дискурса в области политико-правовой культуры России является книга Н. А. Захарова «Система русской государственной власти», изданной в Новочеркасске в 1912 г.¹³ На данную работу П. Е. Казанский неоднократно

ссылается в своем труде, с отдельными ее положениями спорит, с отдельными – соглашается.

Следует согласиться с М. Б. Смолиным, назвавшим книгу Н. А. Захарова «публицистикой национальной самобытности»¹⁴. Употребляя слово «публицистика», Смолин исходит из дореволюционной правовой традиции: «публицистом» назывался ученый, занимающийся изучением государственного права; ученый, изучающий гражданское право, назывался «цивиллистом», церковное – «канонистом» и т. д. Разделяя мысль Л. А. Тихомирова, считаем возможным еще раз напомнить, что «величайшая задача истинного публициста состоит не в партийной борьбе, не в отстаивании мелких мер текущего дня, а в выработке умов»¹⁵.

Признавая всякую науку космополитической¹⁶, Захаров отмечал робость отечественной юриспруденции при определении величайшего государства в мире, каким являлась Российская империя, исходить из анализа исторических фактов, внутренней психологии населения и философии русской государственности и национальной культуры. Правовед отмечал неуклонное желание отечественной юриспруденции осмысливать жизненные явления в юридических концепциях, родившихся в чужих иноземных условиях. Захаров емко отмечает упорное желание отечественной юриспруденции натянуть перчатку иноземного «определения на руку русской действительности»¹⁷.

При этом для большинства российского общества характерна «правовая традиция, на протяжении тысячелетия упорно отвергавшая пути западной либеральной мысли»¹⁸. Катлейн Малфлит, профессор права, директор по исследованиям Центральной и Восточной Европы Института европейской и мировой политики Католического университета Лувена (Бельгия), отмечает: «Начиная с Александра I и до Николая II проблема рецепции иностранного права (среди принципов которого было и правовое государство) как способа модернизации русского общества оборачивалась серьезными противоречиями, типичными для усвоения западной культуры в России. Радикальное и систематическое заимствование западного права оказалось невозможным. Империю не удалось преобразовать в Rechtsstaat. Но общим итогом таких попыток стало весьма интересное явление. Российская правовая культура базировалась на двух антагонистических началах: самодержавной воле и западных концепциях. Когда западные концепции входили в противоречие с волей царя, рецепция не прекращалась полностью, но ее ход значительно замедлялся, и она делалась скрытой и фрагментарной»¹⁹.

В свете постоянно звучащего в современной России тезисе о необходимости построения «правового государства» весьма актуальным нам представляется тонкое замечание Захарова: «как установить деление на правовой и неправовой строй с точки зрения логики, если родовое понятие – право ускользает от нашего определения»²⁰.

Н. А. Захаров не соглашается с широко популярной теорией Шарля Луи де Монтескье о необходимости разделения властей. Теория Монтескье может быть приемлемой для западного мира, выходцем которого был ее автор. Но данная теория абсолютно не подходит для культурно-правового пространства России. С точки зрения Захарова, Россия подверглась сильному влиянию восточно-византийской правовой культуры²¹, а также политическому деспотизму Золотой Орды.

Выстраивая свою теорию, Захаров подробно рассматривает сложившуюся систему русской государственной власти в историческом аспекте.

Выработка самодержавия как основополагающего стержня государственности происходила постепенно. Поиск оптимальной идеологии был продиктован необходимостью дать свой русский ответ цивилизационному вызову эпохи. С этой задачей эффективно справился Иван IV, заложивший политическую и религиозную философию самодержавия, выработал теоретические основы и реализовал их на практике. Захаров отмечает крепкую связь народа с царем; народное представление о русском царе не рассматривает его в качестве господина (как это свойственно народам Запада), но как на отца и благодетеля.

Под влиянием политических реформ Петра I самодержавие исказилось в свою болезнь – абсолютизм. Как тонко замечал Л. А. Тихомиров, абсолютизм «есть компромисс между демократией и монархией, внутреннее падение монархии при сохранении ее внешней формы»²². Во многом на формирование идейных установок Петра I оказали влияние учения Гроция, Гоббса и Пуффендорфа о договорном характере власти. Петр I поручил Феофану Прокоповичу обосновать и переработать под российский государственный строй договорную теорию. Итогом явилась «Правда воли Монаршей», где император уже не является державным хозяином земли Русской, но носителем верховных суверенных прав²³.

Однако даже реформы Петра I, как бы положительно или отрицательно к ним ни относиться, не могли изменить природу русской государственности. Укорененность самодержавия в русской православной культуре настолько глу-

бока, что отказаться от него просто невозможно, а в случае отказа Россия, по мнению Н. А. Захарова, потеряет свое политико-правовое своеобразие и самобытность.

Потеря самодержавной власти обернулась территориальным распадом Российской империи. И сейчас, видя современную войну на востоке Украины (ДНР и ЛНР), все это можно однозначно связать с последствиями государственного переворота, произошедшего 2 марта 1917 г.

Захаров рассматривал государство как живой организм, организованное обществом людей, культурное развитие которых устанавливает его внутренне строение и жизненные условия²⁴. Отсюда мыслитель делает вывод: основным фактором, определяющим системы государственной власти, является психологическое сознание населения²⁵. При этом психологическое сознание нации Захаров ставит в зависимость от исторических условий.

Теория Монтескье, органично подходящая для отдельных стран западной Европы, не может работать и прижиться в России, где существует четвертая – самодержавная власть²⁶. По его мнению, теория Монтескье о разделении властей на практике не выдерживает критики²⁷.

Отмечая двойственность в самодержавной власти и признавая чрезвычайную сложность существующей политической системы общества, организованного в государство, Н. А. Захаров усматривал, выражаясь современным языком, «конфликт интересов», периодически возникающий между различными частями власти. Неизбежность данного «конфликта интересов» аксиоматична, поскольку у различных индивидуумов как у живых существ, всегда будут присутствовать собственные интересы до тех пор, пока они живы. И именно для эффективного соблюдения «баланса интересов» Н. А. Захаров был убежден в необходимости четвертой власти, нейтральной, над всем возвышающейся власти экстраординарного решения, каким являлось самодержавие²⁸. Однако это первая половина выше отмеченной «двойственности» самодержавия. Именно узкий аспект его понимания. Следует согласиться с Н. А. Захаровым, видевшим в самодержавии в широком смысле «органическое воспроизведение независимого, организованного общества, ограниченное в своих волевых импульсах социальным и нравственным инстинктом понимания целесообразности и пользы для государства своих действий»²⁹.

Н. А. Захаров вслед за Л. А. Тихомировым и В. П. Мещерским стоял на принципе категорической необходимости не отождествления двух разных понятий «самодержавие» и «абсолютизм» и

был убежден в категорической недопустимости смешения «самодержавия» с «деспотизмом»³⁰.

В самом существе Верховной власти всегда присутствует самоограничение, иными словами, внутреннего ограничения, когда самодержец, воспитанный в духе православной веры, принимая то или иное решение, руководствуется нормами христианской морали, пониманием государственной необходимости и общенациональными интересами. Самодержец самоограничивает свою «неограниченную» Верховную власть религиозно-нравственным идеалом, разделяемый им самим и большинством общества. Все это находит свое отражение в этико-нравственной концепции самодержавия Л. А. Тихомирова³¹.

Нация, развивавшаяся под сенью самодержавной власти более пяти веков, имеет очень крепкую психологическую связь с ней. Емко подмечено Н. А. Захаровым монархическое правосознание русского народа: «Понятие о верховном главенстве царской власти росло веками, вот почему самодержавие можно вычеркнуть из основных законов, самодержец может от него отречься сам, но это будет актом односторонним; чтобы это понятие исчезло, необходимо изгладить еще его и из сознания народного, так как сознание народное в своем правообразующем движении всегда может восстановить пропущенное в тексте законов понятие. Лишь двусторонний отказ может изгладить понятие самодержавия в основном его смысле без всех атрибутов, приписываемых ему теорией, подчиненной идее западного абсолютизма»³². Данная мысль дореволюционного правоведа нам представляется наиболее значимой.

Захаров категорично возражает утверждениям сторонников «парламентарной школы» о том, что манифестом от 17 октября 1905 г. самодержавие заменено дуалистическим строем³³. «Наш строй строго монархический: вся полнота государственной власти, – писал Захаров, – нераздельно принадлежит Государю Императору»³⁴, под которым действуют все три остальные власти.

Место самодержавной власти в России, по мнению Н. А. Захарова, заключалось в сохранении культурного и национального своеобразия, защиты территориальной целостности, политического суверенитета, персонафицированное олицетворение религиозно-нравственного идеала русского народа, выраженного в православии.

В 1917 г. в Петрограде Н. А. Захаров опубликовал работу: «Курс общего международного права», в которой с учетом февральского государственного переворота и произошедших по-

литических изменений сделал замечание, что в области международного права и международных отношений любые внутренние изменения в государстве не влияют на характер принятых им ранее обязательств и заключенных им соглашений. Н. А. Захаров воспринимает государство как юридическое лицо. Государство, по Захарову, состоит из трех постоянных элементов: власти, территории и населения³⁵.

Выводы

Если для западноевропейской культуры характерен принцип «верховенства закона» «The Rule of Law» (провозглашенный в 1885 г. британцем Альбертом Дэйси), где, по мнению британского профессора Джеффри Джауэлла, необходимым условием соблюдения данного принципа будет ограничение власти государства над гражданином³⁶, то, исходя из концепции Н. А. Захарова, данный принцип не будет работать в России. Или же будет работать с огромной пробуксовкой, чему объективно свидетельствует современная культурно-правовая действительность.

Русский человек в своей массе не желает ограничения власти государства над гражданином. Более того, он интуитивно понимает принципиальную невозможность такого ограничения или фальшь.

Таким образом, накопленный опыт изучения самодержавия позволяет переосмыслить результаты, полученные Н. А. Захаровым, и наметить новые магистральные пути исследования данного историко-правового феномена отечественной культуры.

Изучать самодержавие следует комплексно: исходя из исторического, юридического, экономического, политического, психологического, религиозного, этико-нравственного и морального аспектов.

Примечания

¹ Кравченко А. И. Культурология: учеб. пособие для вузов. М.: Акад. проект, 2000. С. 726.

² Овчинников А. И. Герменевтико-феноменологическая концепция права // Сев.-кавказ. юрид. вестн. 2010. № 2. С. 16.

³ Комова Н. Б. Российская монархия в контексте консервативных государственно-правовых концепции: мифы и реальность // Там же. С. 22.

⁴ Васильев А. А., Серегин А. В. История русской охранительной политико-правовой мысли, VII–XX вв.: учебник. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 15.

⁵ Кравченко А. И. Указ. соч. С. 7.

⁶ Культурология: учеб. для вузов / Г. В. Драч,

А. Е. Беляев

- О. М. Штомпель, Л. А. Штомпель, А. В. Королев. СПб.: Питер, 2001. С. 15.
- ⁷ Смолин М. Б. Публицистика государственной самобытности // Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М.: Москва, 2002. С. 5–28.
- ⁸ Васильев А. А., Серегин А. В. Указ. соч. С. 433.
- ⁹ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1. 276 с.
- ¹⁰ Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. 3-е изд., доп. М.: Фонд ИВ, 2007. С. 587.
- ¹¹ Тихомиров Л. А. Власть всероссийского императора // Моск. вед. 1913. 28 авг., № 198.
- ¹² Его же. Основы русского государственного строя // Там же.
- ¹³ Захаров Н. А. Система русской государственной власти: юрид. исслед. Новочеркасск: Электро-тип. Ф. Туникова, 1912. 312 с.
- ¹⁴ Смолин М. Б. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁵ Тихомиров Л. А. На гроб Алексея Ивановича Введенского // Моск. вед. 1913. 27 февр., № 48.
- ¹⁶ Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 5.
- ¹⁷ Там же. С. 5.
- ¹⁸ Korkeavikivi A. Russia on the rights track: Human rights in the New Constitution // Parker School J. of East European Law. 1994. Vol. 1. P. 212.
- ¹⁹ Малфлит К. Можно ли считать современную Россию правовым государством? / пер. с англ. Д. Эрнст // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 5, сент.-окт. С. 49–66. URL: <http://intelros.ru> (дата обращения: 12.07.2016).
- ²⁰ Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 7.
- ²¹ Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М.: Москва, 2002. С. 50.
- ²² Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения // Тихомиров Л. А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С. 155.
- ²³ Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 51.
- ²⁴ Там же. С. 316.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 304, 305.
- ²⁷ Там же. С. 305.
- ²⁸ Там же. С. 307.
- ²⁹ Там же. С. 311.
- ³⁰ Там же. С. 309.
- ³¹ Беляев А. Е. Монархия как верховная власть нравственного идеала в философии Л. А. Тихомирова // Изв. Междунар. акад. аграр. образования. 2015. № 22. С. 68–72.
- ³² Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 319.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 235.
- ³⁵ Захаров Н. А. Курс общего международного права. Пг., 1917. С. 125.
- ³⁶ Малфлит К. Указ. соч.